
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний 1905—1907 и 1917 гг.)

С.Ю. Разин

Кафедра философии и культурологии
Институт Гуманитарного образования и информационных технологий
Ул. 9-я Парковая, 48, корп. 5, Москва, Россия, 105264

Статья посвящена анализу взаимодействия политических партий и массового сознания в ходе революционных событий 1905—1907 и 1917 гг. в Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях. Массовое сознание являлось своеобразным социокультурным базисом революционного процесса, определявшим параметры и вектор его развития. Судьба той или иной политической партии в русской революции, как и исход самой революции, зависели от степени их соответствия предлагаемых ими идей, лозунгов, моделей поведения мировоззренческим императивам, эмоциям и настроениям народных масс России.

Вопрос о роли массового сознания в русской революции долгое время находился на «задворках» отечественной исторической науки. В официальном общественном сознании сознание рассматривалось как субстанция производная, определяемая, прежде всего, экономическими факторами развития социума. Обществоведы опирались на известное положение Маркса, согласно которому «сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» (23). Социальные катаклизмы второй половины 80—90-х гг. XX столетия обозначили кризис официальной историографии и необходимость поиска новых концепций и подходов.

В этот период появляется новая для отечественной историографии методологическая парадигма, в которой иначе решается вопрос о соотношении факторов, детерминирующих исторический процесс. В ее основе лежит идея о том, что параметры исторического процесса задаются, прежде всего, нормами, ценностями, типом мировоззрения господствующими в социуме.

Появление этого подхода оказало существенное влияние на отечественную историографию русской революции. В последние два десятилетия появились работы, в которых вопрос о роли массового сознания в революции стал предметом специального научного исследования (3).

Тем не менее, этот вопрос изучен недостаточно. По мнению самарского историка Н.Н. Кабытовой, исследователи, занимавшиеся ранее изучением революционных событий в Поволжье, как правило, «преувеличивали влияние общественной рефлексии и недооценивали значение народной архаики» (13).

В данной статье предпринимается попытка, основываясь на материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний 1905—1907 и 1917 гг., сжато изложить собственное видение механизма взаимодействия массового сознания и политических партий в русской революции. Актуальность проблемы взаимо-

действия массового сознания и политических партий связана с наличием противоречия между перманентным устремлением определенных групп политической элиты страны «перестроить» российское общество в соответствии с канонами западной цивилизации и массовым сознанием россиян.

Самарская, Симбирская и Саратовская губернии дают интересный материал для построения модели взаимодействия массового сознания и политических партий в революции. Эта территория в начале XX столетия представляла собой типичный аграрный регион Российской Империи. Доля крестьян в общей численности населения здесь составляла около 90% и была выше аналогичного показателя в среднем по Европейской России (84%) (15). Местный «пролетариат», который, например, в Симбирской губернии на 90% состоял из выходцев из деревни, представлял собой «не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства» (25).

Основу «сознания» народных масс составляли мировоззренческие установки и модели поведения, выработанные в рамках крестьянской общины. Анализ материала позволяет говорить о том, что сознание и социальная борьба народных масс Поволжья носили «неполитический» характер. Поэтому «политическая платформа» народных масс Поволжья оставалась для местных политиков «неразгаданным сфинксом» (4).

Участие масс в революции предопределялось не партийными программами, а их «сознанием», что прямо или косвенно признавали и местные партийцы. Делегаты состоявшейся в январе 1907 года самарской городской конференции РСДРП вынуждены были отметить, что «в низах обнаруживается полное незнакомство с принципами социал-демократии» (6). Массовое сознание являлось важнейшим фактором Революции, определяло формы и вектор развития революционного процесса. Это осознавали и представители местной провинциальной элиты. В докладе Самарской Губернской Земской Управы Чрезвычайному Губернскому Земскому Собранию, относящемуся к июню 1905 г., говорилось: «Демократический уклад России с огромным преобладанием сельского населения переносит центр тяжести в народные массы: в них и только в них заключается реальная сила» (7).

Судьба политических элит зависела от эффективности функционирования механизма обратной связи между ними и народными массами, от их способности улавливать импульсы, идущие «снизу», и давать адекватные ожиданиям масс ответы на них.

В идеократической Империи борьба за Власть, борьба за массы — это борьба за Идею. Следствием девальвации существующего варианта Идеи является смерть соответствующей формы Империи. Условием возрождения Империи является появление нового варианта Имперской Идеи. Получить поддержку масс и победить в революции могла только та сила, которая сумела бы предложить вместо утратившей былую силу идеологеммы «самодержавие-православие-народность» новый, адекватный массовому сознанию вариант Идеи. Только она могла получить поддержку масс и победить в революции.

В этой связи встает вопрос о том, каковы же были шансы основных политических партий на успех в революции?

Пожалуй, наименьшие шансы на то, чтобы стать у руля Империи, имели отечественные либералы. Соотношение либеральных ценностей и массового сознания можно представить в виде своеобразной системы «взаимоупоров», являющейся перманентным источником напряжения в рамках российской социокультурной системы. Рассмотрим некоторые из элементов этой системы.

Важнейшим постулатом либерализма является признание высшей ценностью индивида. Антитезой индивидуализма является общинный коллективизм. Политическая культура народных масс характеризуется «доминированием массовой психологии над развитием индивидуального сознания» (24). Либералы считали общину тормозом «прогрессивного» развития страны. Кадеты писали, что «современную экономическую культуру сделали не народы общинников, а народы собственников» (29). Крестьянин не мыслил себя вне общины. Характерной чертой российской истории является «конфликт между государством, большим обществом и традиционным миром» (2). Времена ослабления государства становились временем «расцвета» общины. Начало XX века, когда проявились признаки слабости и деградации Власти, стало временем общинного «реннесанса». Община являлась «основной ячейкой политического действия российского крестьянства во время революции 1905—1907 гг., как и в 1918—1920 гг. и 1921—1927 гг.» (45).

В основе либерализма лежит принцип верховенства Закона. Идея Конституции была для либералов была своеобразным предметом культа. В. Маклаков писал: «Трезвая оценка различных сторон конституции заменилась нерассуждающей мистической верой в нее. Никто не имел возможности спокойно обсуждать ее дурные и хорошие стороны, ставить вопрос о ее пригодности для России» (38). Для крестьянина предметом культа являлась не Конституция, а Верховная Имперская Власть (Царь).

Эта «политическая философия» безраздельно господствовала в массовом сознании в революционную эпоху. Источники революционной эпохи содержат немало свидетельств негативного отношения поволжских крестьян к тем, кто выступал против Самодержавия. Сызранский уездный исправник в одном из своих докладов начальству, относящихся к 1905 году, пишет о том, что «замечается озлобление против учащихся, коих подозревают в разбрасывании и составлении прокламаций против царя...» (41).

Ключевой для либерализма является идея свободы в рамках закона. Крестьянское понимание свободы было другим. Подтверждением этого является реакция масс на Манифест 17 октября 1905 и на падение царского режима в феврале 1917 года. Так, например, в ноябре 1905 года среди крестьян села Ключи Бугурусланского уезда Самарской губернии ходили слухи о царском манифесте, разрешавшем «безнаказанно отнимать у помещиков все, что им принадлежит, и никакого суда за это не будет» (8). «Голос Самары» в феврале 1906 г. писал: «...гражданская свобода понята была огромным большинством населения в смысле всякого разрешения всякого насилия, всякого грабежа, всякого бесчинства

и на первых же порах превратилось в необузданное своекорыстие и анархию» (5). В дневниковых записях П. Сорокина, относящихся к 1917 году, очень точно выражено, господствовавшее в массовом сознании и реализуемое в революционной практике понимание свободы: «Да здравствует Свобода! Поскольку мы свободны, все разрешено!» (31).

Одним из главных для либерализма является принцип неприкосновенности и автономности частной собственности. Для крестьянства частная собственность на землю есть святотатство, явление безнравственное и безбожное. Предельно кратко свое отношение к частной собственности выразили в одном из «приговоров», относящихся к периоду 1905—1907 годов, сельские жители Березоволужской волости Николаевского уезда: «Земля — дар природы, а частная собственность на землю — безнравственна» (37).

Крайний негативизм по отношению к собственному народу демонстрировали меньшевики. Крестьяне характеризовались ими как «несуществующие, исторически говоря» (Г. Плеханов) (30). Меньшевики практически не вели пропагандистской работы на селе, отдавая крестьянство в полное распоряжение эсерам и большевикам. Они предпочли не заметить предостережения Маркса о том, что только в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню» (22). Меньшевики сознательно отказались от использования массового сознания для победы в Революции, рассматривая стихийное движение масс «как своего врага, как бунт, как отрицание революции — как контрреволюцию» (14).

Идеологи меньшевизма выдвинули лозунг, о том, что союзником пролетариата в революции является т.н. «либеральная буржуазия». По мнению П.Б. Аксельрода, «их обоюдное историческое положение навязывает им общую цель и принуждает их к энергичной, постоянной взаимопомощи» (39). Само выдвигание этой западнической утопии свидетельствовало о полном пренебрежении «антибуржуйскими» установками массового сознания.

Антитезой «революционного нетерпения» масс была позиция меньшевиков по вопросу о перспективах социалистической революции в России. Они отвергали не только ленинскую и троцкистскую теории революции, но и мысли «раннего» Плеханова, говорившего, что «наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести» (34).

Реализация идей меньшевиков и кадетов означала бы социокультурную смерть народных масс России, которая рассматривалась ими в рамках линейного прогрессизма как явление закономерное и неизбежное. Народные массы в ходе Революции боролись за самосохранение. Поэтому ни меньшевики, ни либералы не имели реальных шансов на успех в Революции. Либерализм и меньшевизм являлись политической «антисистемой», работавшей на разрушение российского суперэтнуса, и поэтому не могут рассматриваться *как альтернативы его исторического развития*.

Иное отношение к народным массам было характерно для большевиков и эсеров. По мнению В.И. Ленина, в политике «сила традиций миллионов и десятков миллионов людей — это самая опасная сила» (44). Большевики и эсеры

признавали главную роль крестьянства и крестьянского вопроса в Революции. Для большевиков и эсеров крестьянство — «действительный самодержец России» (42), «пехота революции» «без которой революция должна погибнуть» (43), «...это сила» (20), а аграрный вопрос — это «гвоздь русской революции» (21).

В 1905—1907 гг. ленинцы и эсеры предложили по сути идентичные варианты решения земельного вопроса, которые можно назвать наукообразным выражением требований и настроений масс. О соответствии ленинской национализации и эсеровской социализации обычно-правовым представлениям крестьянства говорят документы революционной эпохи. В громадном большинстве «наказов» и «приговоров» поволжского крестьянства содержится одно и то же требование: «отобрать земли удельные, помещичьи, монастырские ... частновладельческие для всего населения России, желающего обрабатывать землю личным трудом» (16). Эта же мысль содержится и в партийных документах большевиков и эсеров. В одной из листовок Симбирской группы РСДРП, относящейся к 1905 г. говорится: «Для всего российского крестьянства рабочая социал-демократическая партия требует земли и воли. ...Земли удельные, кабинетские, монастырские и дворянские должны перейти к крестьянам» (17). Ленинцы, следуя в 1917 году дорогой, проторенной в 1905—1907 гг., переняли эсеровскую аграрную программу. Но в отличие от самих эсеров они пошли по пути признания, происшедшего после Февраля черного передела и придания легитимности его результатам. Объясняя причину этого, Ленин говорил: «Воля большинства для нас всегда обязательна, и идти против этой воли — значит совершать измену революции» (40). Эта политическая гибкость, которая впервые была проявлена еще в 1905—1907 гг., была важнейшим преимуществом большевиков в борьбе за победу в революции.

Большевики и эсеры предлагали массам такие модели поведения, которые совпадали с их реакцией на ослабление Власти и дестабилизацию ситуации. В.И. Ленин адресовал в октябре 1905 года боевым формированиям, создаваемым его сторонниками на местах, следующие слова: «Пусть каждый отряд учится хотя бы на избииении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч» (19). Местные ленинцы действовали в русле ленинских наставлений. Например, симбирские социал-демократы «прославились» срывами собраний (9), а также тем, что путем насилия пытались вовлечь в городские беспорядки тех рабочих и служащих, которые не принимали в них участия (10). В воспоминаниях видного кадета Д.Д. Протопопова, описывающих события 1905—1907 гг. в Самаре, упоминается случай, когда некий социал-демократ открыл по толпе, которую он называл черносотенцами, огонь из револьвера, чем вызвал «недовольство» толпы (27).

Ленинцы рассматривали социалистическую революцию в России не как далекую перспективу, а как реальность сегодняшнего дня. Большевизм объявил массам о возможности немедленного скачка «из царства необходимости в царство свободы». Большевики предлагали массам решить «сегодня и сейчас», в соответствии с их представлениями о справедливости и средствах ее достиже-

ния, все самые злободневные вопросы русской жизни. Прежде всего это касается земельного вопроса. «Взять земли... необходимо никого и ничего не дожидаясь» — призывал в 1917 году крестьян Г.Е. Зиновьев (18). Такая позиция соответствовала ожиданиям масс. Русский философ Ф. Степун писал о Ленине: «На этом внутреннем понимании зудящего «невтерпеж» и окончательного «сокрушай» русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такой силою надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира» (32).

Особо следует сказать о соотношении массового сознания и идеи классовой борьбы. Идея классовой борьбы оказалась совместимой с крестьянскими представлениями о бунте как о средстве восстановления традиционного социального порядка. Большевики придали крестьянскому движению статус прогрессивной «крестьянской революции», рассматривали его как главную ударную силу, опираясь на которую, можно было проложить себе дорогу к Власти. Проницательность большевизма, сумевшего увидеть в русском бунте путеводную нить Ариадны, ведущую на политический Олимп, отмечали и меньшевики. «... Бунт не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново. Здесь проявился гений Ленина. Никто, как он, не понял столь проницательно, что власть абсолютную ... он получит, разнуздав стихию бунта...» (С.О. Португейс) (35). Произошло соединение русского бунта и марксистской идеи классовой борьбы. Большевизм фактически стал «пугачевщиной во имя социализма» (33) и революцией во имя Империи.

Массовому сознанию соответствовала большевистская апологетика сильной власти, представленная в виде идей «демократического централизма», «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и «диктатуры пролетариата». Большевики перевели эти идеи с языка западноевропейской социологии на язык политической культуры масс. Апеллируя к массам, они активно использовали термин «самодержавие народа». В 1907 г. И.В. Сталин писал: «победа революции — это диктатура (самодержавие) пролетариата и крестьянства» (11). Большевизм, разговаривавший с народом на понятном ему «политическом» языке, оказался единственной силой, на деле доказавшей свою способность «железом и кровью», «наличностью партийной диктатуры» остановить «разрушительную лаву русской революции» (35) и восстановить «порядок» в стране.

Большевистское «кадетоедство» и «меньшевикоедство» было аналогично отношению крестьянства к «образованным», «господам», «барам», «буржуям», олицетворением которых в крестьянском сознании стали представители этих партий. В августе 1906 года староста хутора Жигулевского хутора Симбирской губернии Кряков призывал своих «собратьев по классу» из имения Орлова-Давыдова: «Ребята кто в селе появится почище бей его, а потом тащи к нам на хутор. Мы тут и разделаем» (1). Самарские крестьяне еще в 1906 г. достаточно ясно выразили свое отношение к либералам: «Это наши угнетатели хотят нашими руками жар загребать» (28). Сами местные либералы не питали иллюзий по поводу отноше-

ния народных масс к ним и их идеям. Выступая на II Самарском губернском крестьянском съезде, проходившем в конце мая — начале июня 1917 г., кадет В.С. Колесников заявил: «Как член партии народной свободы я доверия от вас не ожидаю» (26). В той же роли оказались и меньшевики. Выступая на том же съезде, крестьянин Булыхов назвал меньшевиков «врагами крестьянства» (12).

Указанные выше соответствия большевизма и массового сознания способствовали превращению малочисленной партии в гигантскую силу общенационального масштаба и предопределили исход революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Адлер Л.А.* Первая революция в деревне. Аграрное движение 1905—1906 гг. в Симбирской губернии. — С. 92.
- (2) *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск, 1998. — Т. II. — С. 256—260.
- (3) *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997; *Колоницкий Б.И.* «Демократия» как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира: Февральская: От новых источников к новому осмыслению. — М., 1997. — С. 109—118; *Коробков Ю.Д.* Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г.: [Монография]. — Магнитогорск, 2000; *Леонов С.В.* «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901—1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. — М., 2003. — Вып. 4; *Марченя П.П.* Крестьянство и империя в 1917 году: массовое сознание как фактор политической истории Октября // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. — М., 2007. — С. 168—179; *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. — М., 2005.; *Марченя П.П.* Массовое правосознание как социокультурная основа победы большевизма в России // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. — Вып. IV. — М., 2004. — С. 268—283; *Марченя П.П.* Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 г.) // Философия хозяйства. — 2004. — № 3. — С. 180—187; *Миллер В.И.* Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны: К постановке проблемы // *Миллер В.И.* Осторожно: история! — М., 1997. — С. 136—142; *Поршнев О.С.; Поршнев С.В.* К характеристике менталитета народных масс России: революция 1917 г. в фокусе массового сознания: (Опыт статистического анализа писем рабочих, крестьян и солдат в центральные органы советов рабочих и солдатских депутатов) // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. — Чебоксары, 1999.
- (4) Голос Самары. — 19 марта 1906 г.
- (5) Голос Самары. — 22.02.1906 г.
- (6) ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 237. — Д. 1907. — Л. 13.
- (7) ГАСО. — Ф. 5. — Оп. 12. — Д. 234.
- (8) ГАСО. — Ф. 8. — Оп. 5. — Д. 57.
- (9) ГАУО. — Ф. 855. — Оп. 1. — Д. 314. — Л. 160 б.
- (10) ГАУО. — Ф. 855. — Оп. 1. — Д. 305. — Л. 6.
- (11) Дро (Время). — 13 марта 1907 г.
- (12) Земля и Воля. — Самара. — 1917, 30 мая.
- (13) *Кабытова Н.Н.* Итоги и перспективы изучения революции 1917 года в российской провинции // Вестник Самарского госуниверситета. Серия «История». — 2000. — № 3. — Электронный ресурс. Режим доступа <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/content/hist.html>

- (14) *Кара-Мурза С.* Восстанавливая историческую память: корни советского строя // Наш Современник. — 2005. — № 4.
- (15) *Карнишин В.Ю.* Общественно-политический процесс в Поволжье (1905 — февраль 1917 гг.). — М., 1997. — С. 500.
- (16) Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг. // Документы и материалы. — Ульяновск, 1955. — С. 165.
- (17) Там же. — С. 112.
- (18) *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. — Т. 31. — С. 149; Правда. — 1917. — № 30.
- (19) *Ленин В.И.* Там же. — Т. 11. — С. 337—338.
- (20) *Ленин В.И.* Там же. — Т. 31. — С. 24—25.
- (21) *Ленин В.И.* Там же. — Т. 14. — С. 178.
- (22) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. — Т. 8. — С. 607.
- (23) *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. — М., 1966. — С. 29—30.
- (24) *Ольшанский Д.В.* Психология масс. — СПб., 2001. — С. 126; 137.
- (25) *Пайтс Р.* Русская революция. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 120.
- (26) Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. — Самара, 1917. — С. 135.
- (27) *Протопопов Д.Д.* Из недавнего прошлого // Русская мысль. — 1907. — № 11. — С. 18.
- (28) Речь. — 1906 г., 3 марта.
- (29) См.: *Телицын В.Л.* Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. — М., 1997. — С. 173.
- (30) Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. — М., 1993. — № 2. — С. 10.
- (31) *Сорокин П.А.* Страницы из русского дневника // Рубеж (альманах социальных исследований). — 1991. — № 1. — С. 63.
- (32) *Степун Ф.А.* Чаемая Россия. — СПб., 1990. — С. 43.
- (33) *Струве П.Б.* Избранные сочинения. — М., 1999. — С. 286.
- (34) Цит. по: *Волбуев П.В.* Россия: борьба за выбор новых путей общественного развития // Вопросы истории. — 1986. — № 5. — С. 56.
- (35) Цит. по: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. — СПб.: РХГИ, 1999. — С. 16—17; 212.
- (36) Там же.
- (37) *Клейн Н.Д.* Экономические основания аграрных требований поволжских крестьян во время революции 1905—1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье 1905—1907 гг. Межвузовский сборник статей. — Куйбышев, 1985. — С. 30.
- (38) *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762—1914 гг. — М., 1995. — С. 365.
- (39) Либерализм в России / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. В.Ф. Пустарнаков, И.Ф. Ху-душина. — М., 1996. — С. 236.
- (40) *Логинов В.Т.* Ленин и власть // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. — М.: МВШСЭН, 2000. — С. 50.
- (41) *Рамазанов А.Г.* Крестьянское правосознание в революции 1905—1907 гг. (По материалам Самарской и Симбирской губернии). — Самара, 1995. — С. 10.
- (42) Современные концепции аграрного развития // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. — М., 1993. — № 2. — С. 22—23.

- (43) Современные концепции аграрного развития // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. — М., 1993. — № 6. — С. 107.
- (44) *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. — М., 2001. — С. 15.
- (45) *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. — 1917—1922 гг. — М., 1997. — С. 541.

**POLITICAL PARTIES AND MASS CONSCIOUSNESS
IN THE COURSE OF RUSSIAN REVOLUTION
(based on materials of Samarskaya, Saratovskaya and
Simbirskaya regions in 1905—1907 and 1917 years)**

S.Y. Razin

Chair of philosophy and culturology
Institute for the Humanities and Arts And Informational Technologies
9 Parkovaya str., 48/5, Moscow, Russia, 105264

This article is devoted to the analysis of the interaction between political Parties and mass consciousness in the course of revolutionary developments in 1905—1907 and 1917 years in Samarskaya, Saratovskaya and Simbirskaya regions. The mass consciousness was a peculiar sociocultural basis of the Revolutionary process determining parameters and vector of its development. The fate of political parties in Russian Revolution, as a result of this revolution, depended on degree of accordance suggesting their ideas, slogans, models of behavior with the world outlook imperatives, emotions and mood of Russian national masses.